

Ф. Л. СИНИЦЫН

СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ О СУДЬБЕ «КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ» (1920-е гг.)

Статья посвящена подходам советских ученых к судьбе «кочевой цивилизации» в СССР. «Кочевые» регионы занимали в СССР важное стратегическое положение, но при этом не были интегрированы в общегосударственную экономику. Сделан вывод, что советские ученые предлагали осторожный подход к «кочевой цивилизации», основанный на шадящем отношении к природе и отказе от растраты государственных ресурсов на ее «переделку», которая в большинстве «кочевых» регионов не имела перспектив. Дискуссия о судьбе «кочевых» регионов была пресечена властями с началом форсированной модернизации СССР на рубеже 1920-х и 1930-х гг.

Ключевые слова: кочевые народы, экономика, модернизация, СССР

Начатый в 1920-е гг. процесс модернизации¹ Советского государства сопровождался дискуссиями среди партийных и советских деятелей, специалистов и ученых. В это время в стране еще был возможен относительный идейный плюрализм. Изучение архивных документов и публицистики показывает, что разнообразие и борьба мнений были характерны и для дискуссий о положении в «кочевых» регионах СССР, планировании их будущего, видении их места и роли в рамках большой страны. Территория этих регионов (Бурятия, Казахстан, Калмыкия, Киргизия, Ойротия [Горный Алтай], Туркмения, Хакасия) составляла более 4 млн км² (18% территории СССР), а его кочевое и полукочевое население – ок. 3 млн чел.² Сюда же нужно добавить миллионы квадратных километров на севере страны, от Кольского полуострова до Чукотки, также занятые малочисленным кочевым и полукочевым населением³.

Традиционный образ жизни большинства жителей этих территорий сохранялся после революции. Так, в самом крупном «кочевом» регионе – Казахстане (70% кочевников СССР⁴) – к 1926 г. большинство представителей титульной нации (от 55 до 75,5%⁵) вело кочевой или полукочевой образ жизни. Кочевники продолжали жить нормами обычного права⁶, у них сохранялась развитая идентичность, тесно связанная

¹ См.: Побережников 2006. С. 6.

² В данной статье рассмотрены все кочевые народы СССР, кроме цыган, образ и условия жизни которых существенно отличались от других кочевых народов.

³ Кочевники и полукочевники также составляли часть населения других регионов. Например, полукочевой образ жизни вела часть восточных башкир.

⁴ Платунов 1976. С. 252.

⁵ Дахшлейгер 1966. С. 12–13; Донич 1928. С. 150; Козлов 2015. С. 93; Шаумян 1965. С. 184.

⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 912. Л. 27.

с кочевым пастбищным хозяйством и родовым строем⁷ под главенством властителей – баев (варианты термина – бей, бий), манапов, аксакалов, нойонов, тайшей, зайсангов и др.

«Кочевые» регионы были фактически «государством в государстве». На высшем уровне власти – в ЦК РКП(б) – в 1924 г. было объявлено, «что советской власти в казахском ауле нет»⁸. О том же заявил партийный руководитель Казахстана Ф.И. Голощекин на пленуме крайкома ВКП(б) 30 апреля 1926 г.⁹ И намного позднее, в 1930 г. председатель СНК Казахстана У.Д. Исаев отмечал, что в республике «есть в буквальном смысле слова несоветизированные аулы»¹⁰. Такое же положение было характерно для Бурятии, Киргизии и других регионов. Не были «кочевые» территории интегрированы и в общегосударственную экономику СССР, в них царило натуральное, нетоварное хозяйство, хотя и весьма продуманное¹¹. Кочевники слабо участвовали в товарообмене, были «невыгодными» потребителями и практически ничего не поставляли на рынок. Ситуация в «кочевых» регионах, ввиду их большой площади и стратегически важного положения, не могла оставить государство равнодушным. Однако попытки советизации кочевий, предпринятые властями в 1920-х гг., в большинстве случаев не удавались.

В среде советских специалистов и чиновников в 1920-е гг. четко проявились два подхода к решению судьбы «кочевой цивилизации», их сторонников условно можно обозначить «ученые» и «власть». Представители этих «партий» активно выступали в прессе, публиковали книги, материалы исследований. Характерно, что многие представители «партии ученых» работали в органах власти (в основном, в плановых, земельных и статистических ведомствах), а некоторые ученые (их было меньшинство) примыкали к позиции «партии власти». Мнения представителей обеих «партий» могли совпадать по некоторым вопросам, а иногда были сами по себе противоречивыми или колеблющимися (так, проф. Г.Н. Черданцев в одной и той же книге писал о «примитивных» трудовых навыках кочевников и «первобытной отсталости» их хозяйственных форм, и тут же – о том, что кочевники «выработали... специфические трудовые навыки и создали особый тип хозяйства»¹²).

Однако ученые и их оппоненты расходились в главном, судьбоносном вопросе. Первые предлагали осторожную модернизацию коче-

⁷ Пейн 2011. С. 275; Соколовский 1926. С. 7.

⁸ Михайлов 1996. С. 81.

⁹ Очередные задачи 1926. С. 26.

¹⁰ Исаев 1930. С. 24.

¹¹ Каждый кочевник имел не менее четырех видов скота, добываясь определенного правильного их соотношения, и помимо этого – посеы и сенокосы, отстоявшие далеко от места выпаса. – Погорельский, Батраков 1930. С. 222.

¹² Черданцев 1930. С. 29–30, 188.

вого общества – либо с полным сохранением его, либо с постепенным, эволюционным развитием во что-то другое. Вторые же выступали за принудительный перевод кочевников на оседлость. Их аргументы были просты – «кочевая цивилизация» безнадежно «отсталая», «некультурная», ее невозможно советизировать и интегрировать в экономику страны. («Звездный час» этой группы настал на рубеже 1920-х и 1930-х гг., когда в СССР началось форсированная модернизация.)

«Партия ученых» особенно ярко была представлена в крупнейшем «кочевом» регионе СССР – Казахстане, где сложился особый круг специалистов (многие из них были отправлены «на периферию» из-за своей прошлой принадлежности к партии эсеров). В их числе были руководитель Статистическо-экономического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР С.П. Швецов, член президиума Госплана Казахстана М.Г. Сириус, ученый, бывший деятель партии «Алаш» А.А. Ермаков. Кроме того, идеи о необходимости взвешенного и научно-обоснованного подхода к решению судьбы «кочевой цивилизации» разделяли известные московские профессора Н.П. Огановский и А.Н. Челинцев, экономист И.А. Рукавишников (жил и работал в Бурятии), заместитель председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулов, некоторые руководящие работники Казахстана, Калмыкии, Бурятии и других регионов.

Ученые и их единомышленники считали, что кочевое хозяйство – единственно рациональное и целесообразное¹³, «идеально приспособленное»¹⁴ для природных, социально-экономических и иных условий тех регионов, где оно распространено. С.П. Швецов в ответ на предложения о переводе кочевников на оседлость предсказывал: «Устраните... периодическое передвижение скота по степи – и казаку¹⁵ нечего в ней будет делать, т.к. никакое иное хозяйство здесь невозможно, и степь, кормящая теперь миллионы казакского населения, превратится в пустыню»¹⁶. Т.Р. Рыскулов и И.А. Рукавишников говорили о «естественной приспособленности» Киргизии и Бурятии под животноводство¹⁷. Даже в разгар программы коллективизации и перевода кочевников на оседлость, в № 3 за 1930 г. «Известий Бурят-Монгольского обкома ВКП(б)» появилась статья, в которой говорилось, что кочевой образ жизни обусловлен объективными географическими условиями¹⁸.

Одним из главных аргументов ученых была непригодность «кочевых» регионов к земледелию. Г.Н. Черданцев выявил, что в Казахстане

¹³ Ермаков 1926. С. 115.

¹⁴ Дониц 1928. С. 141.

¹⁵ Здесь и далее – под «казаками» имеются в виду казахи (такой термин употреблялся до 1936 г.).

¹⁶ Казакское хозяйство 1926. С. 100, 102–103.

¹⁷ Рыскулов 1929. С. 59; Рукавишников 1927. С. 27.

¹⁸ Хаптаев 1932. С. 66.

и Каракалпакии всего 14,1% территории подходило для обработки земли, тогда как 54,4% успешно использовалось под пастбища¹⁹. Земледелие здесь не могло быть устойчивым²⁰ прежде всего из-за проблем с водой. Зампредседателя казахского Госплана Е.А. Полочанский отмечал, что если перевести казахов на земледелие, то пригодной для этого территории «не хватит всем»²¹. В мае 1927 г. на первом краевом совещании плановых органов о том же предупреждал представитель Наркомзема Казахстана К. Султанбеков²². Для Киргизии была характерна «теснота земельной площади, пригодной для обработки»²³. В Калмыкии хотя и «пустовало» 2,5 млн га, почти вся территория входила в зону комплексных почв и сыпучих песков и поэтому могла быть использована исключительно под крупнопромышленное экстенсивное скотоводство²⁴, как и в соседней Астраханской губернии, где кочевали калмыки и казахи.

По мнению ученых, кочевая экономика показывала наивысшую эффективность, ведь многие занятые номадами «бесплодные» территории «не могли быть улучшены... при данном состоянии нашей техники и наших знаний». Е.М. Тимофеев обращал внимание, что казахи «схитряются превратить в шерсть, мясо и шкуры кормовые ресурсы чернополюнных степей или зарослей солянок и камышей»²⁵, т.е. самых тяжелых для освоения земель. Ученые были уверены, что кочевничество не исключает высокую культуру²⁶, а «дикость и кочевое хозяйство... вовсе не синонимы». Они отмечали культурность скотоводческих хозяйств Австралии и напоминали, что «о дикости “кочевников” Швейцарии и вообще говорить смешно»²⁷. Сотрудник Наркомзема Казахстана Д. Букиннич подчеркивал, что кочевая экономика – самоценна, и это не какая-то «пережиточная» стадия, через которую якобы «проходили все малокультурные народы»²⁸. Общий вывод ученых относительно судьбы «кочевой цивилизации» был таким: она прочна, у нее есть будущее²⁹, она сохранится, «по-видимому... навсегда»³⁰. С.П. Швецов прогнозировал, что кочевание даже упрочится, ведь с повышением численности населения «нужда в обладании сухими степями... будет все возрастать»³¹. Уче-

¹⁹ Черданцев 1930. С. 15.

²⁰ Тезисы 1926. С. 125.

²¹ Полочанский 1926. С. 9.

²² Абылхожин 1991. С. 213–214.

²³ Рыскулов 1929. С. 60.

²⁴ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 3. Л. 138–139.

²⁵ Тимофеев 1929. С. 69–70.

²⁶ Казакское хозяйство 1926. С. 102.

²⁷ Тимофеев 1929. С. 69–70.

²⁸ Букиннич 1924. С. 99.

²⁹ Ермеков 1926. С. 114; Донич 1928. С. 143.

³⁰ Букиннич 1924. С. 98.

³¹ Казакское хозяйство 1926. С. 103.

ные не сомневались во временном характере перехода части кочевников к оседлости в начале 1920-х гг., вследствие колоссального сокращения поголовья скота³² в тяжелое время революции и Гражданской войны.

Сторонники взвешенного подхода к «кочевой цивилизации» были уверены во вредности ускоренного или принудительного перевода на оседлость, некоторые даже отмечали наличие ««кочевых инстинктов», которые никогда не приведут кочевника к оседлости»³³. Даже те специалисты, которые выступали за коренную модернизацию кочевой экономики, говорили о вредности оседания. Ташкентские ученые П. Погорельский и В. Батраков считали, что «обоседление... отодвинет задачи революции... на неопределенно долгое время». Они сделали вывод, что «в ближайшем будущем осесть кочевникам нельзя, хотя бы потому, что этого негде сделать»³⁴. А.П. Потоцкий отмечал, что оседание потребует огромных «капитальных затрат на улучшение земельных площадей»³⁵.

М.Г. Сириус рассчитал, что за 15 лет, с 1926 по 1941 г., в Казахстане смогло бы осесть не более 5–5,5% кочевников³⁶. А.Н. Дониц, также сделав вывод, что «осесть в кочевых районах почти негде», приводил интересный пример: в Адаевском округе³⁷ кочевники ушли от созданных для них советских «культпунктов» из-за разорительности исполнения традиционного обычая «гостевания», т.е. полного содержания всех, кто приезжал на «культпункты» к врачу, агроному и другим специалистам³⁸. Таким образом, мешали оседанию еще и этнографические особенности кочевых народов. Кочевники, жившие рядом с «культпунктами», которые в перспективе могли бы стать «точками оседания», по праву считали себя традиционными «хозяевами» этого места, обязанными содержать всех гостей, но это оказалось крайне разорительным, так как необычно много оказалось посетителей у «культпунктов».

Перспективы развития «кочевых» регионов виделись многим ученым и их сторонникам только в сохранении традиционной кочевой экономики³⁹. Е.М. Тимофеев призывал кочевое хозяйство «не губить, а наоборот, поощрять... развивать», «помогать, а не бороться с ним»⁴⁰.

³² Ермеков 1926. С. 115.

³³ Погорельский 1934. С. 21.

³⁴ Погорельский, Батраков 1930. С. 215, 223.

³⁵ Потоцкий 1927. С. 22. С этим соглашались и некоторые партийцы – так, инструктор Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) Кахелли по результатам обследования Туркмении в 1927 г. пришел к выводу о невозможности оседания кочевников «вследствие разбросанности пастбищных угодий». – РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 912. Л. 9.

³⁶ Сириус 1926. С. 6.

³⁷ Занимал территорию полуострова Мангышлак. Один из наиболее засушливых регионов, освоенных кочевниками.

³⁸ Дониц 1928. С. 151.

³⁹ Казакское хозяйство 1926. С. 96; Рыскулов 1929. С. 59.

⁴⁰ Тимофеев 1929. С. 70.

Власти некоторых регионов иногда соглашались с мнением о необходимости взвешенного отношения к «кочевой цивилизации». Так, Дальневосточное бюро РКП(б) в 1922 г. объявило о необходимости «административного устройства бродячих туземных племен соответственно их быту»⁴¹. В августе 1928 г. Третий пленум Киргизского обкома ВКП(б) постановил «признать наиболее целесообразной структурой скотоводческого хозяйства Кир[гизской] АССР полукошевую форму»⁴².

Мнение о вредности оседания кочевых народов разделяли местные национальные и религиозные деятели. В Казахстане к ним относились, прежде всего, бывшие члены партии «Алаш» А. Байтурсынов (был наркомом просвещения Казахстана в 1920-х гг.) и А. Букейханов. В Бурятии и Калмыкии против оседлости выступало духовенство. Глава калмыцких буддистов Шаджин-лама Л.Ш. Телкин был уверен в том, что земледелие – «не для калмыков»⁴³. Священнослужители убеждали мирян, что переход на оседлый образ жизни ухудшит их материальное положение, затруднит кормовое обеспечение скота⁴⁴. Такие утверждения восходили к сакральному, бережному отношению кочевых народов к земле, вплоть до запрета ее вскапывать. Воспрещалось копать землю и по буддийскому учению, поскольку пахота влечет за собой уничтожение бесчисленного множества живых существ (насекомых и пр.)⁴⁵.

Ученые выдвигали конкретные предложения по модернизации кочевой экономики и условий жизни в «кочевых» регионах СССР. Они были уверены, что «устойчивое кочевое хозяйство... может приобщиться к благам цивилизации почти в той же степени, что и хозяйство полеводческое»⁴⁶. Реконструкция кочевой экономики была возможна и необходима, «но только на основе существующих форм хозяйства»⁴⁷, которые нужно было рационализировать и развивать⁴⁸. Одно из наиболее важных предложений – интенсификация животноводства, прежде всего, для увеличения товарности кочевой экономики⁴⁹. (Ведь именно ее натуральный характер был одной из главных «претензий» к кочевникам со стороны властей.) Е.А. Полочанский рассчитал, что пастбищная площадь Казахстана могла обеспечить прокорм для 75 млн голов скота (а в республике в 1926 г. их было 26,5 млн). Таким образом, этот регион был способен «целиком покрыть все потребности Союза на все виды

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1094. Л. 34об–35.

⁴² Там же. Ф. 62. Оп. 3. Д. 272. Л. 44.

⁴³ Овчинников 1967. С. 107.

⁴⁴ Убушиева 1986. С. 49.

⁴⁵ Герасимова 1964. С. 111.

⁴⁶ Тимофеев 1929. С. 70.

⁴⁷ Ермеков 1926. С. 115.

⁴⁸ Полочанский 1926. С. 10.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 911. Л. 150.

продукции животноводства». Поэтому была поставлена цель животноводство «развернуть и умножить почти в 3 раза»⁵⁰. Н.П. Огановский выступал за дальнейшее развитие скотоводства на Южном Алтае⁵¹. Т.Р. Рыскулов писал о достижимости того, что в Киргизии животноводство «примет промышленный характер»⁵².

Конкретные меры по развитию кочевого хозяйства, прежде всего, включали необходимость обеспечения скота зимними кормами⁵³, что должно было спасти от главного бича кочевой экономики – джута⁵⁴. Сюда же относились землеустройство, включая обводнение⁵⁵, расширение искусственного травосеяния, правильное использование пастбищных запасов, рационализация скотоводства с усилением в нем промышленных пород, усиление борьбы с эпизоотиями⁵⁶. По линии Наркомата промышленности и торговли нужно было принять меры по приему у кочевников продукции животноводства и «распылению промтоваров для удовлетворения нужд кочевого населения»⁵⁷. Все это должно было привести к интеграции кочевников в общегосударственную экономику.

Интересными были идеи ученых об использовании иностранного опыта. В 1928 г. проф. А.А. Рыбников (ближайший сподвижник выдающегося экономиста А.Н. Чаянова) и М. Фаизов получили поручение от Наркомата земледелия Казахстана – изучить «экономическое лицо» района Туркестано-Сибирской магистрали. Они провели экспедиционные исследования и в октябре 1929 г. выдвинули предложение – создать у кочевников «трудовые самоснабжающие хозяйства» на семейной основе (т.е. по сути фермерские хозяйства, как в США и других странах) с выделением каждому по 70–90 га удобной земли. Сотрудник Госплана Казахстана П.Л. Ясинский в апреле 1930 г. (в разгар начала массовой коллективизации) на пленуме Первого казахстанского научно-исследовательского краеведческого съезда заявил, что «необходимо... на комиссионных началах допустить иностранцев, в особенности, американцев, к работе по реконструкции нашего животноводства»⁵⁸.

Часть ученых выдвигала идею о модернизации кочевий через их коллективизацию. Е.А. Полочанский предлагал создать производственные товарищества, в которые вошли бы и бедные, и богатые кочевники, что помогло бы «решить многие... вопросы национально-политическо-

⁵⁰ Полочанский 1926. С. 8–10.

⁵¹ Огановский 1922. С. 28.

⁵² Рыскулов 1929. С. 59.

⁵³ Челинцев 1928. С. 25.

⁵⁴ Джут (каз., кирг.), зуд (калм.) – падеж скота из-за зимнего обледенения пастбищ.

⁵⁵ Букиннич 1924. С. 107; Благовещенский 1926. С. 18.

⁵⁶ Рыскулов 1929. С. 63–64.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 911. Л. 150.

⁵⁸ Кондратьевщина 1931. С. 56–57, 62, 65.

го и экономического значения». В них было бы изжито «рабство родового строя», ведь в новых условиях бедняки стали бы полностью независимыми от богатых сородичей. С долгосрочным кредитом в 4 млн руб. в год в течение 15 лет можно было построить для кочевых товариществ 100 тыс. новых опорных поселений-аулов⁵⁹.

П. Погорельский и В. Батраков выступали за создание кочевых колхозов и совхозов (это предложение было опубликовано в 1930 г., когда уже началась коллективизация), что привело бы к «производственному объединению распыленных скотоводов». Колхозы должны были заниматься животноводством, а совхозы стать предприятиями по переработке сельхозпродукции и «пунктами высокородных производителей». Погорельский и Батраков выступали против «новых аулов» (которые предлагал создать Е.А. Полочанский) и кредитов для оседающих кочевых хозяйств. Они предлагали создавать только крупные колхозы, так как мелкие «на практике послужат формой консервации отживающих отношений отработочных форм эксплуатации»⁶⁰.

А.Н. Донич соглашался, что кочевое хозяйство является «целесообразной и продуктивной формой использования пустынных и полупустынных пространств, которые иначе нельзя сейчас использовать совсем», но, по его мнению, надо было «еще доказать, стоит ли на данной стадии развития использовать с таким трудом эти пространства», тем более, что культурные методы хозяйствования «невозможно приспособить к кочеванию». В то же время, он предлагал «кочевое хозяйство планомерно приспособлять к культуре»⁶¹, прежде всего, в рамках создания «культурных» поселений для зимнего пребывания кочевников.

Ученые разрабатывали меры по модернизации «кочевой цивилизации» в других сферах – в частности, создание хороших бытовых и культурных условий с целью «быстрой ликвидации... отсталости»⁶². В сфере образования была предложена организация передвижных школ для детей⁶³. Развитие медицины должно было произойти путем обучения врачей из числа местного населения и организации «медицинских юрт»⁶⁴.

Хотя П. Погорельский и В. Батраков призывали избегать повторения негативного опыта советизации кочевий, они видели возможность изменить методы и усилить удачные аспекты работы кочевых советов⁶⁵, ведь имелись некоторые положительные результаты, когда рабо-

⁵⁹ Полочанский 1926. С. 21, 23, 36–37.

⁶⁰ Погорельский, Батраков 1930. С. 221, 223–224.

⁶¹ Донич 1928. С. 142–144.

⁶² Полочанский 1926. С. 10.

⁶³ Ермеков 1926. С. 116.

⁶⁴ Брук 1924. С. 21.

⁶⁵ В т.ч. по организации «кино, переыборов... конференций, совещаний». Погорельский, Батраков 1930. С. 209–210.

та местных властей с кочевниками шла без нажима на оседание⁶⁶. Ожидалось, что модернизация «кочевой цивилизации» в СССР, окажет позитивное воздействие на зарубежных кочевников, например, в Китае⁶⁷, где проживали многочисленные сородичи советских казахов и киргизов.

Учеными выдвигались идеи и о возможном компромиссе – сочетании кочевого скотоводства и земледелия. С.П. Швецов считал, что такое сочетание улучшит сопротивляемость неурожаю в земледелии и джугу в животноводстве⁶⁸. Некоторые специалисты соглашались на постепенный, эволюционный переход кочевников к оседанию или «полуседанию» с сохранением животноводства⁶⁹. Е.А. Полочанский выдвинул идею создания для кочевых товариществ новых аулов с жильем европейского типа, где каждая семья жила бы в своей комнате, «достаточно просторной и светлой». По добровольному выбору или по очереди одни из них занимались бы полевыми работами, другие – кочевали со скотом и к зиме возвращались в аул⁷⁰. Е.М. Тимофеев считал, что сохранение кочевания летом и оседание кочевников в поселках на зимовье ликвидирует опасность джуга «почти полностью»⁷¹. Сотрудник Наркомзема Казахстана К.А. Чувелев выступал за содействие оседанию там, где это возможно, а где нет – нужно было научить кочевников наиболее рационально использовать кормовые площади⁷².

Пожалуй, главный призыв ученых и их сторонников по поводу модернизации «кочевых» регионов, был: «Не торопиться». С.П. Швецов указывал, что изменение форм экономики – «процесс медленный и длительный»⁷³. В 1926 г. на II пленуме Казахского крайкома нарком просвещения С. Садвокасов говорил о необходимости учитывать специфику кочевого аула и прекратить идеализацию бедноты, без определенных социальных и моральных механизмов принуждения не готовой к высокопроизводительному труду⁷⁴. Даже там, где было признано возможным оседание, ученые предупреждали об опасности форсированного перевода кочевников на оседлость.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 911. Л. 146.

⁶⁷ Погорельский, Батраков 1930. С. 223.

⁶⁸ Казакское хозяйство 1926. С. 103.

⁶⁹ Потоцкий 1927. С. 34; Дониц 1928. С. 156.

⁷⁰ Полочанский 1926. С. 36–37.

⁷¹ Тимофеев 1929. С. 71.

⁷² Чувелев 1928. С. 54–55. В переводе кочевников на оседлость ученые призывали исходить из географических характеристик (Челинцев 1928. С. 25–28, 35–36, 38; Черданцев 1930. С. 197–199; Маслов 1929. С. 85), учитывая, что в районах, где изогигета (линия, обозначающая на карте территории с одинаковым уровнем выпадения атмосферных осадков) составляет менее 250 мм, земледелие «никакого будущего не может иметь». (Тезисы 1926. С. 126).

⁷³ Казакское хозяйство 1926. С. 96.

⁷⁴ Казиев 2015. С. 270.

А.Н. Донич подчеркивал, что оседание не должно нарушать «экономическое равновесие»⁷⁵. П. Погорельский и В. Батраков считали, что процесс оседания начнется только после завершения коллективизации в процессе укрепления животноводческих колхозов⁷⁶. Мнение об эволюционном пути оседания кочевников разделяли и некоторые представители властей. Так, на первом Всесоюзном национальном совещании при ЦК ВЛКСМ в 1924 г. представитель Бурятии Н. Мункоев заявил, что «этот вопрос будет естественным образом разрешен, когда население будет европеизировано и будет практиковать земледелие»⁷⁷.

Присутствовал и такой подход – оставить в некоторых «кочевых» районах ситуацию как есть, так как модернизировать их все равно не получится. И.И. Маслов утверждал, что «мечтать... о создании в центральном Казакстане какого-то устойчивого хозяйства совершенно не приходится», т.к. его географические условия исключают возможность и рационализации экономики, и повышения культурного уровня населения⁷⁸. В 1928 г. инженер Г.Ф. Прокопович утверждал, что электрификация этого региона в ближайшей перспективе «неприемлема... в силу огромных расстояний... и господства почти чистых натуральных форм хозяйства на значительной части территории»⁷⁹. Однако этот подход большинство представителей «партии ученых» не разделяло.

Еще один аспект борьбы идей по вопросу о судьбе «кочевой цивилизации» – дискуссия о «кочевом феодализме». В ее рамках столкнулись сторонники мнения о том, что кочевое общество к 1920-м гг. находилось в стадии феодализма (согласно марксистской теории), и мнения о наличии в рамках «кочевой цивилизации» самобытного родового строя, который характеризовался невозможностью создания государства (если только временного и неустойчивого), родовой структурой общества, отсутствием частной собственности на землю (общинное землевладение)⁸⁰. Ряд ученых, чиновников и национальных деятелей в «кочевых» регионах (Т.Р. Рыскулов, Е.А. Полочанский, А. Байтурсынов, А. Букейханов, киргизский партийный деятель А. Сыдыков и др.) поддерживали эту теорию. Бурятский ученый П.Т. Хаптаев видел в кочевом обществе признаки и патриархально-родовых, и феодальных отношений⁸¹.

⁷⁵ Донич 1928. С. 146.

⁷⁶ Призывая к «большой осторожности», они, тем не менее, считали, что «исторические сроки социалистической переделки этих районов должны быть максимально сокращены». – Погорельский, Батраков 1930. С. 223, 225. В таких высказываниях, очевидно, проявилось воздействие «штурмовщины» рубежа 1920-х и 1930-х гг.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 5. Д. 5. Л. 110.

⁷⁸ Маслов 1929. С. 82, 84.

⁷⁹ Трайнин 1932. С. 42.

⁸⁰ Погорельский, Батраков 1930. С. 7.

⁸¹ Хаптаев 1932. С. 68.

Теория о родовом строе у кочевников противоречила марксистской доктрине «классовой борьбы» и теории общественно-экономических формаций (но вписывается в цивилизационную теорию А. Тойнби, разработанную в рассматриваемый нами период). В то же время, выводы сторонники теории родового строя делали разные. Национальные деятели считали, что необходимо сохранить этот строй, так как он фактически являлся «родовым коммунизмом»: «Все живут и кочуют вместе, все одинаково равны, нет классовой борьбы, нет никаких противоречий»⁸². Некоторые деятели полагали, что «русские разрушили справедливый родовой строй и беспечную счастливую жизнь казаков, управлявшихся мудрыми и справедливыми ханами, султанами, биями»⁸³. (Соответственно, перевод кочевников на оседлость стал бы дальнейшим разрушением этой жизни.) Они подчеркивали необходимость сохранения родовой структуры и традиций кочевого общества, в т.ч. «веками освященного суда биев», «суда на основании обычного права»⁸⁴. Однако ученые, например, Е.А. Полочанский, придерживались диаметрально противоположного мнения, считая, что цель советской власти – освобождение кочевников от кабалы в хозяйственно-родовом строе⁸⁵.

Дискуссия ученых о судьбе «кочевой цивилизации», была пресечена на рубеже 1920-х и 1930-х гг. вмешательством властей. Они безоговорочно отвергли идеи об осторожном отношении к «кочевой цивилизации». Представителей «партии ученых» подвергли шельмованию⁸⁶, обвинив в «кондратьевщине» и «чаяновщине» (особо отметим вышедший в 1931 г. специальный сборник статей «Кондратьевщина в Казакстане»). Возражавшие против огульного перевода кочевников на оседлость, были названы «контрреволюционерами». Одним припомнили принадлежность некогда к Партии социалистов-революционеров, других причислили к «местным националистам»⁸⁷. Доходило и до прямых оскорблений. О С.П. Швецове, скончавшемся в 1930 г., писали, что у него «черносотенная шовинистическая душа». Н.П. Огановского называли «вредителем» и «“профессором”», А.Н. Челинцева – «ученым идеологом кулачества» и просто «“ученым”» (в кавычках). У Д.Д. Букинича обнаружили «расовую философию европейского колонизатора». М.Г. Сириус был обозван «местным вредителем»⁸⁸. Последовали репрес-

⁸² Тогжанов 1931. С. 26.

⁸³ Тогжанов 1934. С. 32.

⁸⁴ Там же. С. 197.

⁸⁵ Полочанский 1926. С. 10.

⁸⁶ Сыргабеков 1931. С. 10.

⁸⁷ Зверяков 1932. С. 36–37; Кондратьевщина 1931. С. 26, 90.

⁸⁸ Зверяков 1932. С. 36–37; Каврайский 1931. С. 73; Косаков 1932. С. 50; Павлов 1931. С. 150.

сиям. Из Госплана Казахстана весной 1930 г. был уволен П.Л. Ясинский, предлагавший привлечь для реконструкции «кочевых» регионов иностранных специалистов⁸⁹. Судьба многих других ученых сложилась гораздо трагичнее. Е.М. Тимофеев был арестован в 1937 г. и расстрелян в 1941 г., А.А. Ермаков арестован в 1938 г., находился в заключении до 1947 г., затем был вновь арестован, окончательно освобожден только в 1955 г. А.Н. Челинцев в августе 1930 г. был арестован по делу «Трудовой крестьянской партии» и отправлен в ссылку (в 1932 г. освобожден от дальнейшего отбывания наказания и вернулся в Москву).

С отвержением идей и шельмованием «партии ученых» напрямую было связано пренебрежение к природе, которое на долгие годы стало «визитной карточкой» советской власти. Конечно, здесь присутствовал скорее не злой умысел, а иллюзии, неправильное понимание или нежелание понимать природные реалии (хотя это несколько не извиняет те ошибки, которые были допущены в СССР по отношению к природе). Власти провозгласили условия «кочевых» регионов всего лишь «относительно неблагоприятными» по сравнению с условиями европейской части СССР, Сибири и Дальнего Востока. Было объявлено, что земледелие якобы возможно в районах с годовыми осадками ниже 250 мм⁹⁰. (На самом деле, это потребовало бы колоссальных затрат на организацию орошения, даже если бы доставка воды вообще была достижимой).

В СССР (как и во всем остальном мире в этот период) бытовала слепая вера в прогресс, в победу человека и техники над природой. Вспомним известные слова И.В. Мичурина, написанные в 1934 г.: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача». Власти объявили, что в «кочевых» регионах природные факторы якобы имеют «относительное, второстепенное значение для развития сельского хозяйства». Было провозглашено, что «природная среда не является грозным повелителем для современного советского земледелия»⁹¹.

Ресурсы природы стали братья без особых раздумий над последствиями. Так, уже в 1930 г. был предложен план разбора воды Сырдарьи и Амударьи на орошение, из-за чего Аральское море должно было высохнуть и исчезнуть (что, фактически, и произошло после 1960 г.). Аральский регион признавался неперспективным, и было даже высказано предложение о «хищническом вылове» аральской рыбы, пока море не высохло. С 1932 г. из такого же расчета создавался проект Главного туркменского канала, который должен был полностью лишить Аральское море поступления воды из Амударьи. Соображение, что высыхание Аральского моря приведет к экологической катастрофе, тогда совер-

⁸⁹ Кондратьевщина 1931. С. 66.

⁹⁰ Кондратьевщина 1931. С. 98; Косаков 1932. С. 50.

⁹¹ Косаков 1932. С. 50–51.

шенно не принималось во внимание. Так же обстояло дело и в отношении распашки казахских степей – были отброшены такие «мелочи», как увлажненность почвы, запасы воды в ней, мероприятия по орошению и снегозадержанию. Власти поверили в иллюзию, что из засушливого Казахстана получится сделать «вторую Украину»⁹².

Итак, советские ученые в 1920-е гг. предлагали вдумчивый, научный подход к «кочевой цивилизации». Он предполагал, во-первых, щадящее отношение к природе и отказ от растраты государственных ресурсов на ее «переделку», которая в большинстве «кочевых» регионов не имела перспектив, – т.е. то, чего, в целом, и достигла в этих природных условиях «кочевая цивилизация». Во-вторых, ученые предлагали не торопиться с решениями, считая, что резкие изменения, вмешательство в сложившийся веками образ жизни и хозяйства в любом случае ни к чему хорошему не приведет.

Ученые выдвигали такие варианты реконструкции или модернизации кочевой экономики: оставить кочевание полностью с его интенсификацией или создать симбиоз кочевого животноводства и земледелия. Можно было оставлять на теплый период года кочевников в покое, давая им уходить на пастбища, а в холодный период – на оседлых зимовках – вести с ними культурную, образовательную и другую работу, открыть школы для детей и пр. Что касается медицины и ветеринарии – создать оседлые (или передвижные) медицинские и ветеринарные станции вблизи кочевий, куда кочевники сами бы приезжали в случае необходимости. Именно такую роль и играли создаваемые в некоторых «кочевых» районах «культурпункты». Продуктивной и прогрессивной идеей было создание у кочевников фермерских хозяйств на семейной основе. Однако здесь была проблема – в условиях родового строя присутствовала эксплуатация бедных сородичей со стороны баев, манапов и других родовых «авторитетов». С точки зрения советской власти, такая «классовая» эксплуатация была недопустимой.

Еще одна проблема, которая присутствовала с точки зрения государства, – как заставить кочевников сдавать мясо, молоко, кожи, шерсть и другую продукцию животноводства? Но и она была решаема. Нужно было взамен предложить кочевникам необходимые им товары и услуги (например, те же медицинские и ветеринарные). Правда, перестройка кочевой экономики на товарность могла занять много времени, а советская власть не могла себе этого позволить. Ситуация в СССР в конце 1920-х гг., когда власть приняла решение о форсированной модернизации сельского хозяйства, перечеркнула предлагавшиеся учеными варианты сохранения и реконструкции кочевой экономики.

⁹² Верхотуров 2010. С. 89–90.

Насколько влиятельной была «партия ученых», определить трудно. Хотя в 1920-х гг. и допускался плюрализм мнений, власть в итоге все равно поступала так, как считала нужным. Тем не менее, нельзя согласиться с мнением Д.Н. Верхотурова, что научные исследования о способе развития казахского хозяйства на основе присущих ему принципов и тенденций «появились лишь в конце 1920-х годов, когда процесс коллективизации стал набирать обороты», и ученые, стоявшие на такой точке зрения, были «немногочисленными»⁹³. Как видно из приведенных данных, таких ученых было достаточно много. Книга под редакцией С.П. Швецова «Казакское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях», которую можно назвать одной из основ вдумчивого подхода к судьбе «кочевой цивилизации», была издана в 1926 г., (т.е. не в конце 1920-х гг.), когда кочевое общество еще сохранялось практически «в первозданном виде», было далеко до массовой коллективизации и даже еще не началась конфискация байских хозяйств.

Конечно, в оценках и мнениях ученых присутствовали противоречия – все-таки они знали кочевое общество не «изнутри», а по материалам исследований. Не было у них и согласия по отдельным вопросам. Однако наличие противоречий не влияло на главную идею – осторожность и отсутствие спешки в решении судьбы «кочевой цивилизации».

В заключение отметим прозорливость А.А. Донича, который уже в 1928 г. сделал вывод о том, что «при проектировке реформы [“кочевых” регионов] будет сделано, наверно, много ошибок. Некоторые из них будут даже очень досадными»⁹⁴. Он оказался прав, что и показал процесс коллективизации и принудительного перевода кочевников на оседлость, начавшийся в 1929 г.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930 гг.). Алма-Ата, 1991 [Abylhozhin Zh.B. Tradicinnaya struktura Kazahstana. Social'no-ekonomicheskie aspekty funkcionirovaniya i transformacii (1920–1930 gg.). Alma-Ata, 1991].
- Благоवेशенский В.В. Перспективы количественного развития животноводства // Народное хозяйство Казакстана (НХК). 1926. № 3. С. 16–18 [Blagoveshchenskij V.V. Perspektivy kolichestvennogo razvitiya zhivotnovodstva // Narodnoe hozajstvo Kazakstana (NHK). 1926. № 3. S. 16–18].
- Букинич Д. Задачи мелиорации в центральном районе Кирреспублики (в Тургайском и Ирگزском уездах) // Советская Киргизия. 1924. № 1-2. С. 96–109 [Bukinich D. Zadachi melioracii v central'nom rajone Kirrespubliki (v Turgajskom i Irgezskom uezdah) // Sovetskaya Kirgiziya. 1924. № 1-2. S. 96–109].
- Верхотуров Д.Н. Ашаршылык: Великий голод в Казахстане 1932–1933 годов. Б.м., 2010. (Эл. издание: <https://selfpub.ru>) [Verhoturov D.N. Asharshylyk: Velikij golod v Kazahstane 1932–1933 godov. B.m., 2010. (El. izdanie: <https://selfpub.ru>)].

⁹³ Верхотуров 2010. С. 30.

⁹⁴ Донич 1928. С. 166.

- Герасимова К.М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930 гг.). Улан-Удэ, 1964 [Gerasimova K.M. Obnovlencheskoe dvizhenie bur'yatskogo lamaistskogo duhovenstva (1917–1930 gg.). Ulan-Ude, 1964].
- Дахшлейгер Г.Ф. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства) // Советская этнография. 1966. № 4. С. 3–23 [Dahshlejger G.F. Iz opyta istorii osedaniya kazahskih kochevyh i polukochevyh hozyajstv (do massovoj kollektivizacii sel'skogo hozyajstva) // Sovetskaya etnografiya. 1966. № 4. S. 3–23].
- Донич А.Н. Проблема «нового казакского аула» // НХК. 1928. № 4-5. С. 142–168 [Donich A.N. Problema «novogo kazakskogo aula» // NHK. 1928. № 4-5. S. 142–168].
- Д-р Брук. О медицинской помощи кочевому населению КССР // Советская Киргизия. 1924. № 7. С. 20–21 [D-r Bruk. O medicinskoj pomoshchi kochevomu naseleniyu KSSR // Sovetskaya Kirgiziya. 1924. № 7. S. 20–21].
- Ермеков А.А. Организация школ среди казакского населения // НХК. 1926. № 1. С. 113–124 [Ermekov A.A. Organizaciya shkol sredi kazakskogo naseleniya // NHK. 1926. № 1. S. 113–124].
- Зверьяков И.А. От кочевания – к социализму. Алма-Ата–М., 1932 [Zveryakov I.A. Ot kochevaniya – k socializmu. Alma-Ata–M., 1932].
- Исаев У.Д. Национальная политика партии в Казакстане // НХК. 1930. № 5-6. С. 22–26 [Isaev U.D. Nacional'naya politika partii v Kazakstane // NHK. 1930. № 5-6. S. 22–26].
- Каврайский В. Основные вопросы районирования и производственной специализации сельского хозяйства Казакстана // НХК. 1931. № 8-9. С. 72–90 [Kavrajiskij V. Osnovnye voprosy rajonirovaniya i proizvodstvennoj specializacii sel'skogo hozyajstva Kazakstana // NHK. 1931. № 8-9. S. 72–90].
- Казакское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях / Под ред. С.П. Швецова. [Кзыл-Орда], 1926 [Kazakское hozyajstvo v ego estestvenno-istoricheskikh i bytovyh usloviyah / Pod red. S.P. Shvecova. [Kzyl-Orda], 1926].
- Казиев С.Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы): Дис. ... док. ист. наук. М., 2015 [Kaziev S.Sh. Sovetskaya nacional'naya politika i problemy doveriya v mezhetnicheskikh otnosheniyah v Kazahstane (1917–1991 gody): Dis. ... dok. ist. nauk. M., 2015].
- Козлов А.П. Проблемы седентаризации казахского аула в аграрной политике советской власти 1920–1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2015. № 6. Ч. II. С. 92–95 [Kozlov A.P. Problemy sedentarizacii kazahskogo aula v agrarnoj politike sovetskoj vlasti 1920–1930-h gg. // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 6. Ch. II. S. 92–95].
- Кондратьевщина в Казакстане: Сб. ст. Алма-Ата, 1931 [Kondrat'evshchina v Kazakstane: Sb. st. Alma-Ata, 1931].
- Косаков. Об оседании кочевого и полукочевого населения советского Востока // Революция и национальности. 1932. № 5. С. 49–58 [Kosakov. Ob osedanii kochevogo i polukochevogo naseleniya sovetskogo Vostoka // Revolyuciya i nacional'nosti. 1932. № 5. S. 49–58].
- Маслов И.И. Пути использования центрального Казакстана // НХК. 1929. № 4-5. С. 80–87 [Maslov I.I. Puti ispol'zovaniya central'nogo Kazakstana // NHK. 1929. № 4-5. S. 80–87].
- Михайлов В. Хроника великого джута. Алматы, 1996 [Mihajlov V. Hronika velikogo dzhuta. Almaty, 1996].
- Овчинников В.С. Борьба партийных организаций с реакционной деятельностью ламаистского духовенства // Ученые записки Читинского пединститута. 1967. Вып. 15. С. 43–125 [Ovchinnikov V.S. Bor'ba partijnyh organizacij s reakcionnoj deyatel'nost'yu lamaistskogo duhovenstva // Uchenye zapiski Chitinskogo pedinstituta. 1967. Vyp. 15. S. 43–125].
- Огановский Н.П. Южный Алтай (как можно использовать его природные богатства). М., 1922. [Oganovskij N.P. YUzhnyj Altaj (kak mozžno ispol'zovat' ego prirodnye bogatstva). M., 1922].
- Очередные задачи ВКП(б) в Казакстане: Доклад т. Голощекина второму пленуму Казакского краевого комитета 30 апреля 1926 года. Кзыл-Орда, 1926 [Ocherednye zadachi

- VKP(b) v Kazakstane: Doklad t. Goloshchekina vtoromu plenumu Kazakskogo kraevogo komiteta 30 aprelya 1926 goda. Kzyl-Orda, 1926].
- Павлов К. Против великодержавного шовинизма в экономической географии Казахстана // НХК. 1931. № 8-9. С. 147–152 [Pavlov K. Protiv velikoderzhavnogo shovinizma v ekonomicheskoy geografii Kazahstana // NHK. 1931. № 8-9. S. 147–152].
- Пейн М. «Кузница» казахского пролетариата? Турксиб, нативизация и индустриализация в годы сталинского Первого пятилетнего плана // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 273–309 [Pejn M. «Kuznica» kazahskogo proletariata? Turksib, nativizacija i industrializacija v gody stalinskogo Pervogo pyatiletnego plana // Gosudarstvo nacij: Imperiya i nacional'noe stroitel'stvo v epohu Lenina i Stalina. M., 2011. S. 273–309].
- Погорельский П. Введение // Сахаров М.Г. Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии. М., 1934. С. 7–41 [Pogorel'skij P. Vvedenie // Saharov M.G. Osedanie kochevyh i polukochevyh hozyajstv Kirgizii. M., 1934. S. 7–41].
- Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевых аулов Киргизстана. М., 1930 [Pogorel'skij P., Batrakov V. Ekonomika kochevogo aula Kirgizstana. M., 1930].
- Полочанский Е.А. За новый аул-Кстау. М., 1926 [Polochanskij E.A. Za novyj aul-Kstau. M., 1926].
- Потоцкий А.П. Народное хозяйство Казахстана и основные тенденции его развития // НХК. 1927. № 5. С. 3–35 [Potockij A.P. Narodnoe hozyajstvo Kazakstana i osnovnye tendencii ego razvitiya // NHK. 1927. № 5. S. 3–35].
- Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976 [Platunov N.I. Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 – iyun' 1941 gg.). Tomsk, 1976].
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)].
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ) [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki (RGAЕ)].
- Рукавишников И.А. Пределы земельного обеспечения населения Бурятии (земельные нормы). Верхнеудинск, 1927 [Rukavishnikov I.A. Predely zemel'nogo obespecheniya naseleniya Buryatii (zemel'nye normy). Verhneudinsk, 1927].
- Рыскулов Т.Р. Киргизстан. М.–Л., 1929 [Ryskulov T.R. Kirgizstan. M.–L., 1929].
- Сириус М.Г. Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана // НХК. 1926. № 3. С. 3–14 [Sirius M.G. Perspektivy razvitiya sel'skogo hozyajstva Kazakstana // NHK. 1926. № 3. S. 3–14].
- Соколовский В.Г. Казахский аул. Ташкент, 1926 [Sokolovskij V.G. Kazakskij aul. Tashkent, 1926].
- Сыргабеков. Против буржуазных теорий развития сельского хозяйства Казахстана // Большевик Казахстана. 1931. № 5. С. 10–14 [Syrgabekov. Protiv burzhuaznyh teorij razvitiya sel'skogo hozyajstva Kazakstana // Bol'shevik Kazahstana. 1931. № 5. S. 10–14].
- Тезисы к обоснованию перспективного плана народного хозяйства Казахстана с более подробным освещением основных моментов перспективного сельского хозяйства // НХК. 1926. № 1. С. 125–128 [Tezisy k obosnovaniyu perspektivnogo plana narodnogo hozyajstva Kazakstana s bolee podrobnym osveshcheniem osnovnyh momentov perspektivnogo sel'skogo hozyajstva // NHK. 1926. № 1. S. 125–128].
- Тимофеев Е. Проблема пустыни // НХК. 1929. № 8-9. С. 65–73 [Timofeev E. Problema pustyni // NHK. 1929. № 8-9. S. 65–73].
- Тогжанов Г. Буржуазные и мелкобуржуазные «теории» об ауле // НХК. 1931. № 5. С. 21–34 [Togzhanov G. Burzhuaznye i melkoburzhuaznye «teorii» ob aule // NHK. 1931. № 5. S. 21–34].
- Тогжанов Г. Казахский колониальный аул. Ч. I. М., 1934 [Togzhanov G. Kazahskij kolonial'nyj aul. Ch. I. M., 1934].
- Траинин И. От первой ко второй пятилетке // Советское государство. 1932. № 9-10. С. 34–57 [Trajinin I. Ot pervoj ko vtoroj pyatiletke // Sovetskoe gosudarstvo. 1932. № 9-10. S. 34–57].

- Убушиева С.И. Атеистическая пропаганда в Калмыкии. Элиста, 1986 [Ubushieva S.I. Ateisticheskaya propaganda v Kalmykii. Elista, 1986].
- Хаптаев П.Т. Оседание Агинского аймака // Революция и национальности. 1932. № 5. С. 65–73 [Haptaev P.T. Osedanie Aginskogo ajmaka // Revolyuciya i nacional'nosti. 1932. № 5. S. 65–73].
- Челинцев А.Н. Перспективы развития сельского хозяйства Казакстана // НХК. 1928. № 4-5. С. 23–39 [Chelincev A.N. Perspektivy razvitiya sel'skogo hozyajstva Kazakstana // NHK. 1928. № 4-5. S. 23–39].
- Черданцев Г.Н. Казакстан. М., 1930 [Cherdancev G.N. Kazakstan. M., 1930].
- Чувелев К.А. О реорганизации кочевого и полукочевого хозяйства // НХК. 1928. № 2-3. С. 43–58 [Chuvelev K.A. O reorganizacii kочевого i polukocheвого hozyajstva // NHK. 1928. № 2-3. S. 43–58].
- Шаумян М. От кочевья к социализму. Алма-Ата, 1965 [Shaumyan M. Ot kочev'ya k socializmu. Alma-Ata, 1965].

Синицын Федор Леонидович, кандидат исторических наук, доцент Государственного университета по землеустройству, Москва; permcavt@gmail.com

Soviet Scholars on the Fate of the “Nomadic Civilization” in the 1920s

The article is devoted to the study of approaches of Soviet scholars to the fate of “nomadic civilization”. This problem was important for the authorities, due to the fact that the “nomadic” regions occupied an important strategic position in the Soviet Union, but they were not Sovietized and integrated into the national economy. It is concluded that the Soviet scientists proposed a cautious approach to “nomadic civilization”, based on a sparing attitude to nature and the refusal to waste public resources on its “alteration”, which in most “nomadic” regions had no prospects. The discussion about the fate of the “nomadic” regions was suppressed by the authorities with the beginning of forced modernization of the USSR at the turn of the 1920s and 1930s.

Keywords: nomadism, economy, modernization, USSR, Buryatia, Kazakhstan, Kalmykia, Kyrgyzstan

Fedor Sinitsyn, PhD (History), Associate Professor of the State University for Land Management, Москва; permcavt@gmail.com